
IN MEMORIAM

М. Байсвенгер

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ПАВЛОВНЫ ЛАПТЕВОЙ

(1926–2016)

Уход Людмилы Павловны Лаптевой положил конец целой эпохе в развитии российского славяноведения и для многих стал невосполнимой утратой, унеся из жизни умного и искреннего собеседника, учителя и друга. Научное наследие Людмилы Павловны с трудом обозримо и включает в себя более 600 научных работ, в том числе около 20 книг и монографий (см.: [Библиография опубликованных трудов... 1998; Список... 2012]). Но даже эти цифры не отражают широту научных интересов историка. Людмила Павловна занималась исследованиями в области целого ряда исторических направлений: историей гуситского движения, историей Чехии, Словакии и лужицких сербов, а также историей славяноведения в России, историей русско-славянских научных и культурных отношений, историей русской послереволюционной эмиграции, — и в каждом из них она стала признанным экспертом¹. Наиболее значительными ее работами стали монография об историографии гуситского движения в имперской России и фундаментальное двухтомное исследование об истории славяноведения в дореволюционной России [Лаптева 1978; 2005; 2012a]. Научное влияние Лаптевой порой проявлялось в самых неожиданных контекстах. К примеру, я был поражен, обнаружив благодарности Людмиле Павловне в предисловии к первоначальному немецкоязычному изданию влиятельнейшей работы чешского историка Мирослава Гроха, которая посвящена сравнительному изучению возникновения патриотической интеллигенции у «малых народов» [Hroch 1968].

Жизненный путь Людмилы Павловны, как, впрочем, и многих людей ее поколения, был непростым². Она родилась 9 сентября 1926 г. в деревне Осинный Гай Тамбовской области в семье местного почтальона. В межвоенной советской деревне почтальон был одним из немногих людей, обладавших хотя бы минимальным уровнем образования. Пережив в деревне труднейшие годы сталинской коллективизации, Людмила Павловна позже вспоминала о своем детстве как о времени, «заполненном тяжелым физическим трудом, необходимым для обеспечения физического выживания, голодом и нищетой, а также впечатлениями, которые производили на нее неграмотность и страдания окружающих ее людей»

¹ Краткий обзор научного творчества Л.П. Лаптевой в целом см.: [Досталь 2012].

² Последующее изложение опирается на опубликованные интервью и воспоминания Л.П. Лаптевой: [Štemberková 1998; Лаптева 2012b].

[Štemberková 1998, p. 52]. Когда в 1942 г. она решила поступить на исторический факультет Тамбовского педагогического института, ей пришлось пройти пешком до города 80 километров! Иного способа перемещения в удаленной от железных дорог российской глубинке в годы войны попросту не существовало.

Учеба в Тамбове открыла Людмиле Павловне совершенно иной мир. Здесь же скоро определились и ее научные интересы. Зимой 1943 г. в нетопленном читальном зале институтской библиотеки, в шапке и перчатках, Людмила Павловна сидела одинокой посетительницей, зачитываясь шекспировскими трагедиями. Однажды ей в руки попала какая-то вышедшая еще до революции книга, которая рассказывала о смерти чешского реформатора Яна Гуса. Как позже вспоминала Людмила Павловна: «Сама манера повествования о его жизни и смерти на меня произвела не меньшее впечатление, чем шекспировские трагедии» [Ibid., p. 50]. Именно в этот момент зародился ее интерес к истории Чехии, и в частности к истории гуситского движения.

Через год Л.П. Лаптева покинула провинциальный Тамбов и перевелась учиться в Московский областной педагогический институт (МОПИ). В то время там работали молодые преподаватели — будущие светила советской исторической науки, такие как Б.А. Рыбаков и П.А. Зайончковский, незадолго до этого комиссованный с ранением с фронта. Занятия с ними она особенно ценила. Среди ее преподавателей были также Я.А. Левицкий и С.С. Дмитриев. Окончив МОПИ в 1947 г., Людмила Павловна проработала последующие пять лет учительницей истории в Подмоскovie, в томилинской вечерней школе рабочей молодежи. Одновременно с работой она в 1948 г. поступила в аспирантуру исторического факультета МОПИ. Ее специализацией была история Средних веков, и в частности, чешское Средневековье. Так как среди преподавателей не было специалистов по истории Чехии, Людмила Павловна училась у историков английского Средневековья В.Ф. Семенова и Я.А. Левицкого. В 1952 г. под руководством А.С. Самойло она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов во второй половине XVI и начале XVII вв.»³.

Оставшись после защиты работать в МОПИ, Людмила Павловна читала лекции по истории средневековой Европы. Хотя преподавание оставляло ей мало времени для научной работы, она — вполне в духе времени — успевала заниматься спортом и увлекалась альпинизмом, что, безусловно, не только помогало ей справляться с профессиональной нагрузкой, но и доставляло удовольствие. «Альпинизм — спорт смелых, красивый и трудный, привлекательный своими эстетическим, нравственным и гигиеническим факторами», — писала она о своих впечатлениях [Лаптева 1957, с. 4]. В то время самые важные научные «вершины» были у нее еще впереди.

В 1959 г. Людмила Павловна получила предложение работать на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. С этой кафедрой была связана вся ее последующая жизнь. Тогдашний заведующий кафедрой из-

³ Диссертация осталась неопубликованной, но ее основное содержание изложено в статье [Лаптева 1955].

вестный славяновед С.А. Никитин, по словам Лаптевой, стал ее первым и главным ментором в славяноведении. Еще более важное значение, чем переход в МГУ, имела для нее 8-месячная стажировка в пражском Карловом университете, куда она была направлена в 1962 г. Как позже признавала Людмила Павловна, эта поездка коренным образом изменила ее жизнь, сделала ее «совершенно иным человеком» и «принципиально изменила ее отношение к режиму в Советском Союзе» [Štemberková 1998, p. 50]. «В Праге я попала в совершенно другой мир. Все могли свободно высказывать свое мнение по разным вопросам, не опасаясь быть наказанными по партийной или административной линии. <...> Отсутствовал страх за то, что вдруг сказал что-то не так или поступил так, как не положено» [Лаптева 2012б, с. 10].

Внутреннюю свободу, которую Людмила Павловна ощутила в Чехословакии, она перенесла с собой и в СССР. С тех пор отличительными чертами ее научного стиля стали бесстрашие, а также нежелание идти на компромиссы и жертвовать научной добросовестностью в угоду карьерным или иным соображениям. Подобная прямота не раз закрывала ей путь в самые престижные советские журналы. Показательным случаем стала публикация в конце 1970-х гг. ее рецензии на солидную научную монографию чехословацкого историка Франтишека Кутнара (Kutnar; 1903–1983) [Лаптева 1979]. Рецензия, появившаяся в журнале «Новая и новейшая история», была положительная. Однако Кутнар (о чем Людмила Павловна не знала) к тому моменту уже впал в политическую немилость в Чехословакии: он был обвинен в «немарксистском подходе к историческому процессу», его книга была раскритикована, а сам историк лишился работы. Когда, по воспоминаниям Людмилы Павловны, идеологический отдел ЦК КПСС узнал о факте публикации положительной рецензии на эту книгу в одном из ведущих советских исторических журналов, последовали перестановки в личном составе редакции журнала и негласный запрет Лаптевой печатать там какие-либо другие свои произведения [Лаптева 2012б, с. 15]. По схожим идеологическим причинам ей в разное время также стало невозможно публиковаться в журналах «Вопросы истории» и «Советское славяноведение». С тех пор большая часть публикаций Л.П. Лаптевой стала выходить в восточноевропейских странах, т. е. за пределами СССР.

Пребывание в Чехословакии также по-новому определило научные интересы Людмилы Павловны. Находясь в Праге, она поняла, насколько обширны имеющиеся там документальные коллекции по истории чешского Средневековья и насколько трудно заниматься такими темами иностранцам, не имеющим к этим документам постоянного доступа. Более того, ей стало очевидно, что чешские историки сами вполне успешно справлялись с изучением средневековых сюжетов. В то же время в Чехословакии ее вниманию неожиданно открылись новые, захватывающие, но вовсе не изученные темы, связанные с историей русского славяноведения и русской эмиграции.

По стечению обстоятельств именно к 1962 г. — когда Людмила Павловна оказалась в Праге — прошло 20 лет со дня смерти русского слависта-эмигранта В.А. Францева (1867–1942). В связи с этим событием литературный архив Чешского национального музея, согласно завещанию самого Францева, получил пра-

во открыть доступ исследователей к хранящемуся там личному фонду историка. Лаптева оказалась первой, кто начал работать с этим фондом. Неожиданное знакомство с документами из истории русского славяноведения имперского и эмигрантского периодов преобразили поле научных интересов Людмилы Павловны. С тех пор изучение русского славяноведения становится важнейшей темой ее исследований. Именно этой тематике она посвятила свою докторскую диссертацию «Русская литература о гуситском движении (40-е годы XIX в. — 1917 г.)», которая была — не без сопротивления ряда коллег-недоброжелателей — защищена в Институте славяноведения АН СССР в 1973 г.⁴

Случайное знакомство с обширным наследием В.А. Францева открыло Лаптевой также путь к изучению русской пореволюционной эмиграции. Начиная с 1960-х гг. эмигрантская тематика сквозит в ее исследованиях. Прежде всего она звучит в работах, посвященных жизни и научной деятельности В.А. Францева. В них Людмила Павловна не только документально точно описывает жизнь и творчество этого влиятельного слависта, но и упоминает целый ряд русских эмигрантских учреждений, как, например, Русский институт в Праге или Русская академическая группа в Чехословацкой республике, о которых в то время в СССР имели мало представления. Несмотря на то что в работах тех лет заметно вмешательство редакторов и наличие «официальных» штампов о «реакционности» «буржуазной науки», они до сих пор не утратили своей научной значимости (см., например: [Лаптева 1965; 1966а; 1966б]). Кроме работ о Францеве, Лаптева уже в советские годы писала и о других русских эмигрантах. Так, она была автором ряда статей о русских ученых-эмигрантах, опубликованных в библиографическом словаре о российских славяноведах⁵. После 1989 г. Лаптева продолжила изучение эмигрантской тематики, опубликовав более подробные творческие биографии важных, но малоизвестных славяноведов-эмигрантов, в частности А.Л. Погодина [Лаптева 2011], А.В. Флоровского [Лаптева 1994] и Н.В. Ястребова [Lapťevová 1989], и совсем недавно — вновь В.А. Францева [Лаптева 2016].

Важной отличительной чертой подхода Лаптевой к изучению эмиграции является то, что она не рассматривает судьбы эмигрантов в отрыве от их предшествующей жизни. Напротив, она вписывает эмигрантский период в общую биографию ее героев, отмечая и преемственность с дореволюционным периодом, и тот отпечаток, который наложила эмиграция на их жизнь и творчество. Характерно, что уже в работах советского периода очевидно стремление Людмилы Павловны отмежеваться от бытовавших тогда мифов. Хотя рукой редактора в ее работы об эмигрантах, как и в работы других советских авторов, добавлялись эпитеты «предатели родины», «реакционеры и реваншисты», она не оценивала эмигрантов в таком ключе. Впрочем, не являлись они для нее и героями, как их нередко расценивают в постсоветской историографии. Эмигранты у Лаптевой не «само-

⁴ Диссертация была опубликована пять лет спустя под названием: *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX — 1917 г.).

⁵ [Славяноведение в дореволюционной России 1979]. Перу Л.П. Лаптевой в этом словаре принадлежат статьи о славяноведах-эмигрантах Н.П. Кондакове, А.Л. Погодине, В.А. Францеве и Н.В. Ястребове, а также о других славяноведах имперской России.

отверженно сохраняют» какие-либо исконно русские традиции или «совершают подвиги». Скорее их биографии доказывают сложность и индивидуальность каждой эмигрантской судьбы, где решение покинуть родину чаще всего было результатом целого ряда противоречивых факторов. Для исследований Лаптевой также очень важно то, что ее ученые-эмигранты и до эмиграции, и после отъезда из России оставались неотъемлемой частью международного славяноведческого сообщества. Подробно освещая этот вопрос на примере судьбы Францева, она показывает, что ученый отнюдь не замкнулся в своей роли русского эмигранта и непримиримого врага советской власти. Напротив, он поддерживал обширные научные и личные контакты вне эмигрантских кругов и в 1927 г. даже принял чехословацкое гражданство [Лаптева 1997].

Мое личное знакомство с Людмилой Павловной было связано как раз с ее исследованиями по истории русской эмиграции. В 1997 г. я — тогдашний магистрант Берлинского университета им. Гумбольдта — появился в Москве для прохождения годичной стажировки в МГУ в рамках стипендии Германской службы академических обменов (DAAD). Так как тема моя была связана с изучением истории пражского Института Кондакова межвоенного времени, то меня «прикрепили» к кафедре истории южных и западных славян МГУ и назначили Лаптеву моим научным руководителем.

Людмила Павловна к тому моменту уже была известна мне как автор содержательной и взвешенной рецензии на книгу В.Т. Пашуто о русских историках-эмигрантах [Лаптева 1993]. Но первая встреча с ней оказалась отнюдь не такой, как я ожидал. С присущей ей прямолинейностью Людмила Павловна встретила меня сурово, со словами: «А вы знаете, я немцев не люблю». Поняв, что она вкладывает в эти слова более глубокий исторический и культурный смысл, я ей ответил: «А я тоже». Думаю, этот обмен репликами очистил тогда поле наших будущих с ней контактов от тяжелейшего бремени немецко-русской истории XX в. Людмила Павловна таким образом напомнила мне о значении германской агрессии против СССР в годы Второй мировой войны, непосредственным свидетелем которой она была и которая оказала важнейшее влияние на ее жизнь, как и на жизнь всех советских граждан того времени (только недавно я узнал, что ее отец погиб в 1943 г. в боях под Смоленском). Со своей стороны, я пытался дать ей понять, что вполне осознаю свою ответственность в этой связи и как гражданин Германии, и как историк.

Стажировка в Москве под руководством Людмилы Павловны оказалась исключительно радостным и плодотворным периодом в моей научной жизни. Я посещал ее лекции по истории славяноведения в России, мы много общались, обсуждая, например, специфику изучения славяноведения в СССР и более общие вопросы истории и историографии. Людмила Павловна с воодушевлением рассказывала о своих путешествиях в Чехословакию, о занятиях в местных архивах и о счастливой возможности заниматься историей эмиграции, что в Советском Союзе было почти невозможно. Делилась она и своими впечатлениями от прежних контактов с представителями русской эмиграции в частности, с А.В. Флоровским и И.О. Панасом.

Со временем я убедился, что, несмотря на кажущуюся внешнюю суровость, Людмила Павловна была милейшим и душевнейшим человеком, которому никог-

да не были безразличны судьбы окружавших ее людей. В какой-то момент я также понял, что смущавшая многих ее прямолинейность являлась следствием того, как она понимала свою роль как ученого и историка. Подобно тому как в научных работах Лаптева была строгим приверженцем научной достоверности, отказываясь идти на компромиссы, если они шли в ущерб строгой научной честности и профессионализму, таким же образом она вела себя в общении с коллегами и учениками. Людмила Павловна иногда задавала острые вопросы для того, чтобы понять, сможет ли ее собеседник отстоять свою точку зрения, опирается ли его тезис на соответствующую источниковую и фактическую базу или он просто повторяет чужие мысли из каких-либо оппортунистских или карьерных соображений.

Было заметно, что Людмила Павловна болезненно воспринимала любые случаи научного или иного оппортунизма. Так, она была глубоко разочарована тем, что многие ее коллеги из бывших социалистических славянских стран после 1989 г. резко поменяли свое отношение к России и российской науке. Еще недавно они как будто живо интересовались русско-славянскими отношениями, а теперь вдруг «вспомнили», что на самом деле они являются «европейцами» и отныне будут заниматься другими сюжетами.

Такое отношение Людмилы Павловны к происходившим в науке процессам было связано с тем, что наука была для нее гораздо больше, чем просто профессия. Наука для нее была смыслом жизни. Лаптева глубоко верила в силу научных достижений и научной истины. В каком-то смысле такое особое отношение к занятию историей сближало Людмилу Павловну с теми учеными позитивистами из дореволюционной России и русского зарубежья, изучению которых она уделяла столько сил и времени.

Наука определила и все ее жизненное мировоззрение. Она твердо верила в прогресс, который несут с собой образование и научное знание, несмотря на все слабости человеческого характера и вмешательство тоталитарных политических режимов. При этом, являясь искренним патриотом своей родины и испытывая гордость за научные достижения русских ученых, она также часто жаловалась на недостаточный уровень образованности как среди широких слоев населения, так и среди самих ученых. Но, несмотря на разочарования, она верила, что хотя бы медленно и сложно, но продолжается просвещение и ученых, и общества в целом.

Я был очень рад тому, что после официального окончания стажировки летом 1998 г. мои контакты с Людмилой Павловной не прервались. Каждый раз, когда я оказывался в Москве, мы встречались, обменивались научными новостями и публикациями (хотя я даже близко не мог сравниться в этом плане с феноменальной научной продуктивностью Людмилы Павловны) и обсуждали текущие события. Несмотря на то что мы иногда придерживались разных точек зрения, я всегда очень ценил возможность этих совершенно откровенных и честных разговоров. Особенно часто мы беседовали после 2011 г., когда на несколько семестров мы стали коллегами в МГУ (хотя и преподавали на разных факультетах) и часто встречались за чашкой чая или кофе с пирожками в буфете при историческом факультете МГУ. К сожалению, после моего ухода из университета мы стали встречаться реже, но никогда не теряли контакт.

Мне доставляло радость, когда, бывая в Чехии или Германии, я мог выполнять небольшие научные «поручения» Людмилы Павловны. Последний раз в декабре 2015 г. я привез ей из Чехии новую фундаментальную публикацию по истории гуситского периода — по той теме, за которой она продолжала внимательно следить. При нашей последней встрече Людмила Павловна, несмотря на некоторые физические трудности, была, как всегда, полна творческой энергии и строила научные планы. Она непременно хотела отрецензировать привезенную мною книгу, чтобы ознакомить российскую научную общественность с последними достижениями зарубежной историографии. Мне не удалось узнать, успела ли она написать этот текст.

Людмила Павловна скончалась в Москве 16 мая 2016 г. Не стало не только известного ученого-славяноведа, историографа и историка эмиграции. Ушел из жизни исключительный человек, чья преданность науке и исследовательская честность определили всю ее жизнь и стали недостижимым образцом для ее учеников и коллег.

Литература

- Библиография опубликованных трудов... 1998 — Профессор Людмила Павловна Лаптева. Библиография опубликованных трудов (1952–1998) / сост. Л.С. Азарх. М.: Диалог-МГУ, 1998.
- Досталь 2012 — *Досталь М.Ю.* Л.П. Лаптева и ее вклад в развитие отечественного славяноведения // Полвека в славяноведении: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Людмилы Павловны Лаптевой / отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 29–40.
- Лаптева 1955 — *Лаптева Л.П.* Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов в XVI и начале XVII в. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 17. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 88–92.
- Лаптева 1957 — *Лаптева Л.* «Горы научат...»: Еще раз о скороспелой подготовке альпинистов // Советский спорт. 1957. 30 ноября. № 207 (2943). С. 4.
- Лаптева 1965 — *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. По материалам его литературного наследия // Sborník Národního muzea v Praze. Řada C. Literární historie. 1965. Vol. 10. № 1. S. 1–30.
- Лаптева 1966а — *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavia. 1966. Vol. 35. S. 79–95.
- Лаптева 1966б — *Лаптева Л.П.* В.А. Францев как историк славянства // Славянская историография: Сб. ст. / ред. И.М. Белявская и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 204–246.
- Лаптева 1978 — *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Лаптева 1979 — *Лаптева Л.П.* <Рец. на кн.:> Kutnar F. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví [Очерки чешской и словацкой историографии]. Т. I–II. (Praha 1973–1977) // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 202–205.
- Лаптева 1993 — *Лаптева Л.П.* <Рец. на кн.:> Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе (М., 1992) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 109–112.
- Лаптева 1994 — *Лаптева Л.П.* Русский историк эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 55–63.
- Лаптева 1997 — *Лаптева Л.П.* Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // Rossica. Praha, 1997. № 2. S. 55–62.

- Лаптева 2005 — *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005.
- Лаптева 2011 — *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011.
- Лаптева 2012а — *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М.: Индрик, 2012.
- Лаптева 2012б — *Лаптева Л.П.* Как мы писали историю (автобиографические заметки) // Полвека в славяноведении: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Людмилы Павловны Лаптевой / отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 6–28.
- Лаптева 2016 — *Лаптева Л.П.* Владимир Андреевич Францев (1867–1942) — русский исследователь межславянских научных связей в XIX веке // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 146–165.
- Славяноведение в дореволюционной России 1979 — Славяноведение в дореволюционной России: Библиограф. словарь. М.: Наука, 1979.
- Список... 2012 — Список опубликованных Л.П. Лаптевой трудов за период с 1997 по 2011 г. // Полвека в славяноведении: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Людмилы Павловны Лаптевой / отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 203–215.
- Hroch 1968 — *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha: Universita Karlova, 1968.
- Lapťevová 1989 — *Lapťevová L.P.* Ruský historik N.V. Jastrebov (1869–1923) a jeho styky s Čechami a Pražskou univerzitou // Acta Universitatis Carolinae: Historia Universitatis Carolinae Pragensis. 1989. Vol. 29. № 1. S. 13–52.
- Štemberková 1998 — *Štemberková M.* Jan Hus na mne zapůsobil jako Shakespearovy tragédie (rozhovor s L.P. Lapťevovou) // Dějiny a současnost. 1998. Vol. 20. № 3. S. 49–52.